

Меньковский, В. И. Case studies в англо-американской историографии советской истории 1930-х гг. / В. И. Меньковский // Працы гістарычнага факультэта БДУ: навук. зб. Вып. 3 / рэдкал.: У. К. Коршук (адк. рэдактар) [і інш.]. – Мінск: БДУ, 2008. – С. 121–126.

В. И. МЕНЬКОВСКИЙ

CASE STUDIES В АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИИ 1930-х гг.

Новым направлением западной историографии 1990-х гг. стало изучение сталинской политики в отдельных регионах Советского Союза, что отражало общую тенденцию развития исторической науки, во все большей степени переходившей от изучения общего к частному. Работы подобного рода в англо-американской историографии традиционно определяются как *case studies*, что можно перевести как «исследование отдельных случаев». Это направление завоевало чрезвычайную популярность в мировой исторической науке как «микроистория». Термин использовался еще в 1950—1960-е гг., но с негативным или ироничным подтекстом, т. е. служил синонимом истории, занимающейся пустяками. Но в конце 1970-х гг. группа итальянских историков сделала термин *microstoria* знаменем нового научного направления, и под этим названием оно стало известно во всем мире. Микроанализ позволял увидеть преломление общих процессов «в определенной точке реальной жизни»¹.

Советологи отставали от этой всемирной тенденции, поскольку не имели доступа к необходимым архивным материалам. Одним из первых исследований сталинизма «на местах» стали книги А. Рассвейлер «Генерация власти: История Днепроостроя» и К. Меридейл «Московская политика и усиление Сталина: Коммунистическая партия в столице»². На примере Днепроостроя А. Рассвейлер иллюстрировала эволюцию партийных целей и политики индустриализации, трудности практической реализации этих плохо продуманных задач и хаотичный характер советской индустриализации. К. Меридейл показала, что даже в столице большевики оказались неспособны создать эффективную администрацию. Хотя во время написания работ партийные архивы были в основном недоступны, авторы продемонстрировали, как много может быть найдено в местной периодике, стенограммах региональных партийных конференций и государственных архивах.

Примером значимости изучения отдельных составляющих для выработки общей концепции понимания сталинизма может служить монография Е. Риса «Сталинизм и советский железнодорожный транспорт. 1928—1941 гг.»³. Автор, используя архивный материал, рассмотрел роль народных комиссариатов и их руководителей в выработке политических вопро-

сов, что позволило дать оценку советологическим концепциям изучения сталинизма.

Д. Ватсон в работе «Молотов и советское правительство. Совнарком, 1931—1941» пришел к выводу, что Совнарком не стал «кабинетом» или «правительством», но он стал органом, в котором процедурный процесс был в значительной степени сравним с современными ему западными кабинетами и правительствами⁴. Ш. Фицпатрик считала, что книга Д. Ватсона вновь заставляет задуматься о том, насколько возможен институциональный подход при изучении сталинской политики. Чем большее количество документов из советских архивов становится доступным, тем более убедительными выглядят аргументы в пользу персонализированного, а не институционального изучения сталинской политики. В центре внимания политических историков должен быть скорее Молотов, чем Совнарком, или скорее Орджоникидзе, чем наркомат тяжелой промышленности. Не занимаемая должность давала силу тому или иному человеку в сталинской системе власти, а человек придавал реальную силу возглавляемому им институту⁵.

Серьезный резонанс в англо-американской советологии вызвала работа С. Коткина «Магнитка: Сталинизм как цивилизация»⁶. Например, Р. Дэвис писал, что монография подтвердила надежду, на которой базировались труды многих советологов, не имевших доступа к советским архивам. Надежду, что доступные им в прошлые годы материалы, при их разумном использовании, действительно давали возможность для точной оценки многих аспектов сталинского периода советской истории⁷. С. Коткин рассматривал сталинизм как «цивилизацию», сложную общественную систему с «новыми отношениями собственности, социальной структурой, организацией экономики, политической практикой и языком», сознательно созданную как антипод капиталистической системы.

Выходя за узкие рамки политического понимания власти, С. Коткин использовал лингвистический подход для анализа взаимоотношений власти и общества. Автор стремился в своей книге «определить реальный смысл доминирующих терминов и категорий, используемых людьми, жившими в советском обществе того времени»⁸. Концепция тесной связи языка и власти, так называемый «лингвистический поворот», составляла основу его методологии. Автор писал, что «сталинизм должен рассматриваться не просто как сочетание

институтов, персоналий и идеологии, а как совокупность властных символов, отношений, языка и новых форм речи, новых форм поведения в обществе и частной жизни, даже нового стиля одежды, т. е. всего, что дает возможность понять новую цивилизацию, называемую социализмом»⁹.

Отметим, что С. Коткину удалось избежать крайностей «постструктурализма» («лингвистического поворота»). Самоназвание этого течения — «постмодернизм» фиксирует внимание на разрыве с предшествующей исторической традицией. Это направление возникло в исторической науке под влиянием лингвистики и литературоведения. В области исторического знания оно в первую очередь явилось реакцией части интеллектуалов на марксизм и структурализм и ставило перед собой цель освободить творческую индивидуальность от пут и ограничений, налагаемых на нее всякого рода глобальными детерминизмами. Представители этого направления поставили под сомнение привычное понимание исторической истины, а некоторые из них вообще отрицали саму возможность обсуждения подобного вопроса¹⁰.

В интерпретации постмодернистов стиралась грань, отделяющая историческое повествование от художественного. Они считали, что вольно или невольно историк ведет себя подобно писателю: он создает сюжет, которому в той или иной мере подчинены все собранные им данные. Даже в тех случаях, когда историк стремится быть максимально точным в интерпретации событий, они неизбежно, может быть, помимо его намерений, превращаются в элементы фабулы, а результаты исследования организуются в связное и законченное повествование¹¹.

В первой части книги — «Строящийся социализм» — С. Коткин описывал Магнитогорск как модель большевистских планов по преобразованию общества. Во второй части — «Реальный социализм» — анализировал реакцию строителей и жителей города на планы руководства, пути выполнения этих планов и сопротивления им. Хотя реальные результаты зачастую оказывались весьма далеки от намеченных, С. Коткин считал, что действия населения Магнитогорска в основном укладывались в рамки, предписываемые большевистской идеологией. В наиболее важной главе монографии «Язык большевиков» автор показывал процесс советизации различных общественных групп, участвовавших в строительстве города, их приспособление к «большевистскому языку». Полностью зависимые от государства жители Магнитогорска, как и всей страны, были вынуждены соблюдать навязанные сверху «правила игры» для улучшения или сохранения своего социального статуса. С. Коткин был убежден, что, за исключением небольшой группы искренних сторонников коммунистической партии, основная масса населения соблюдала «правила игры» из чисто прагматических соображений, приобретая навыки «двоемыслия» (по выражению Дж. Оруэлла), без которого невозможно было существовать в условиях сталинизма.

В этой связи интересно замечание Ш. Фицпатрик по поводу показательных судебных процессов 1937 г. над местными сельскими руководителями.

«Районные показательные процессы 1937 г. похожи на некий советский карнавал — не просто увеселительная поездка в райцентр, где можно водку купить, а настоящий праздник, где мир перевернулся вверх ногами и мыши могут безнаказанно измываться над котом. Это, конечно, не бахтинский карнавал: было что-то порочное в этих насмешках и издевках, которые не входят в бахтинское понятие народного ликования. Но правда и то, что реальный средневековый карнавал был более жестоким и менее безобидно-веселым, чем он представляется ретроспективному взгляду интеллектуала XX в... Одно можно сказать с определенностью: поскольку кот мертв, мыши отплясывали на его похоронах»¹².

Статью Ш. Фицпатрик можно рассматривать как яркий пример историко-антропологического направления, получившего достаточно широкое распространение в американской русистике. Круг проблем, изучаемых под этим углом зрения, включал анализ символики власти, религиозных и светских церемоний и ритуалов, народных верований, социокультурных норм и ценностей. Одно из основных мест занимало изучение ритуалов, празднеств, процессий и других форм символического поведения. Историки пытались обнаружить скрытые за этими театрализованными действиями социокультурные нормы, идеалы и системы ценностей¹³.

Новая работа Ш. Фицпатрик «Сорвать маски!»¹⁴ безусловно займет достойное место в контексте нового направления исторических исследований. В историографической части автор подтверждает свою приверженность школе социальной истории, но объектом исследования называет культурную историю советского общества. При этом она подчеркивает, что не собирается опровергать или поддерживать молодую генерацию американских историков. Ее цель — показать собственное понимание социокультурных процессов сталинского периода, обратив основное внимание на идентификацию и самоидентификацию советского человека в «классовом обществе». Авторская идея базируется на признании чрезвычайной важности классовой стратификации для повседневной жизни советских людей. Она скептически относится к сталинской

интерпретации марксистской теории классов, но серьезно — к «классовой классификации» граждан, проводимой государством. Если попытаться кратко выразить основную идею книги, то ее можно сформулировать следующим образом. Темой исследования является не вопрос о существовании или несуществовании классов в их советском понимании, а зависимость жизни человека от того, к какому классу (существующему или несуществующему) его приписало государство.

Ш. Фицпатрик пишет о принципиальном отличии большевиков от революционеров-предшественников. «Воображаемая общность», за которую

124

боролись большевики в 1917 г., была не нацией (что бывало в прошлом), а классом — международным пролетариатом. И только после исчезновения иллюзий о мировой революции была поставлена задача формирования социалистической, т. е. классовой нации. Поскольку идея класса была неотделима от идеи классовой борьбы, граждане нового революционного государства стремились улучшить свою классовую идентификацию, пытались различными способами подтвердить (или создать) принадлежность к «революционным» классам. Понимая это, власть постоянно проверяла граждан через бюрократические и гражданские процедуры. Призывы «Сорвать маски!», «Разоблачить волков в овечьей шкуре» оставались перманентно актуальными. Власть не верила гражданам, граждане пытались обмануть государство, подозревали друг друга, боялись попасть в категорию «врагов». Создавалась ситуация порочного круга, когда все не верили всем и должны были постоянно доказывать свою лояльность в обстановке потенциального заговора классовых врагов.

Центральным парадоксом нэповского общества Ш. Фицпатрик считает сочетание хрупкости и важности индивидуальной классовой идентификации. Можно спорить по поводу того, существовал или не существовал в СССР класс кулаков (вспомним сталинское «уничтожить кулачество как класс»), но категория «раскулаченные» — реальность. Автор приходит к выводу, что возникновение парадокса связано с реальным существованием в Советском Союзе не классов, а сословий. Сословная принадлежность связана не с социально-экономическим положением индивида, а с индивидуальными правами и обязательствами перед государством. Советские классы были виртуальными, но принадлежность к ним была реальной.

Работы такого рода позволяли достичь более глубокого и детального анализа функционирования системы, разрушали представление о советском обществе как о монолите и стали важной составляющей изучения локальной истории сталинского периода.

¹ Кром, М. М. Историческая антропология / М. М. Кром. http://www.eu.spb.ru/history/reg_hist/posobie.htm.

² *Rassweiler, A. The Generation of Power: The History of Dneprostroi* / A. Rassweiler. New York, 1988; *Merridale C. Moscow Politics and the Rise of Stalin: The Communist Party in the Capital, 1925—1932*. New York, 1990.

³ *Rees, E. Stalinism and Soviet Rail Transport, 1928—1941* / E. Rees. New York, 1995.

⁴ *Watson, D. Molotov and Soviet Government: Sovnarkom, 1930—1941* / D. Watson. New York, 1996. P. 192.

125

⁵ *Fitzpatrick, S. Review the book «Molotov and Soviet Government. Sovnarkom, 1931—1941» by Derek Watson* / S. Fitzpatrick // *Europe-Asia Studies*. 1997. Vol. 49. Is. 4. P. 744—747.

⁶ *Kotkin, S. Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization* / S. Kotkin. Berkeley, 1995.

⁷ *Davies, R. Reviews Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization* // *The Russian Review*. 1997. Vol. 56 Is. 1. P. 140—141.

⁸ *Kotkin, S. Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization* / S. Kotkin. Berkeley, 1995. P. 380.

⁹ Там же. P. 14.

¹⁰ *Гуревич, А. Я. Историк конца XX века в поисках метода* / А. Я. Гуревич. <http://tuad.nsk.ru/~history/Author/Russ/G/GurevichAJa/metod.html>

¹¹ *Гуревич, А. Я. «Территория историка»* / А. Я. Гуревич. <http://tuad.nsk.ru/~history/Author/Russ/G/GurevichAJa/territoria.html>

¹² *Фицпатрик, Ш. Как мыши кота хоронили. Показательные процессы в сельских районах СССР в 1937 г.* / Ш. Фицпатрик // *Судьбы российского крестьянства*. М., 1995. С. 387—415.

¹³ Кром, М. М. Историческая антропология / М. М. Кром. http://www.eu.spb.ru/history/reg_hist/posobie.htm.

¹⁴ *Fitzpatrick, Sheila. Tear off the masks!: identity and imposture in twentieth-century Russia*. Princeton University Press, 2005.

126